

Н. С. ТРУБЕЦКОЙ: БИОГРАФИЯ И НАУЧНЫЕ ВЗГЛЯДЫ

Ю. А. КЛЕЙНЕР

Предметом исследований историков языкознания обычно служат научные положения той или иной лингвистической школы и их эволюция, а также научные взгляды отдельных языковедов, рассматриваемые либо самостоятельно, либо в системе того направления, которое они представляют. Биографии ученых при этом, как правило, не рассматриваются. Такой подход диктуется, естественно, не предметом исследования (общеизвестно, что биографические данные нередко проливают свет и на научные воззрения), а самим материалом: в отличие от биографий литераторов, художников, актеров, которым еще при жизни посвящают целые тома, биографии лингвистов чаще становятся известными из некрологов, написанных коллегами или учениками.

До недавнего времени так было и с биографией Н. С. Трубецкого, известной, главным образом, из некролога, написанного в 1939 г. Р. О. Jakobson [Jakobson, 1939, перепечатано в Sebeok, 1966] и коротких автобиографических заметок, написанных самим Н. С. Трубецким при избрании его в члены Венской академии [Troubetzkoy, 1949]. Эти материалы неоднократно использовались различными издателями „Основ фонологии“, в частности, в послесловии к русскому переводу этой книги [Трубецкой, 1960. с. 326—328].

В 1975 г. Р. О. Jakobson издал письма, которые были написаны ему в разные годы Н. С. Трубецким, и, таким образом, сделал достоянием науки ценнейшие материалы, касающиеся жизни, деятельности и научных взглядов этого выдающегося ученого [Jakobson, 1975].

Помимо 196 писем, написанных Н. С. Трубецким Р. О. Jakobsonу в период между 1920 и 1938 гг., книга содержит письма Н. С. Трубецкого Н. Н. Дурново, В. Дорошевскому, В. Г. Богоразу (Тану), И. Шишманову, А. Мейе, И. Микколе, Й. Форхаммеру, Н. Ван Вейку, Э. Фишер-Йоргенсен, а также статьи Н. С. Трубецкого „О расизме“ и „Литературное развитие Льва Толстого“. Кроме того, в книге приводится статья Н. Н. Дурново „К характеристике фонологических соответствий“ и рекомендация для оставления при университете, данная Н. С. Трубецкому В. К. Поржезинским в 1913 г. В книге

также перечислены курсы, которые Н. С. Трубецкой читал в Венском университете, она снабжена подробными примечаниями и указателями¹.

Трудно переоценить значение этой книги, ясно рисующей образ человека, две биографии которого – жизненная и научная – представляют собой единое, нерасторжимое целое. Это обстоятельство и делает книгу одинаково ценной для лингвистов самых различных направлений и профилей, это то, что позволяет им с одинаковым интересом читать письма (в сущности, статьи), посвященные различным языкам² и различным языковедческим проблемам.

Регулярная переписка Н. С. Трубецкого и Р. О. Якобсона началась в 1920 г., когда Трубецкой, воспользовавшись рекомендацией И. Шишманова, известного своими симпатиями к России и русским, получил работу в Софийском университете. „Особых амбиций я не имею“, – писал тогда Трубецкой Шишманову [Jakobson, 1975, p. 446].

Первое письмо Р. О. Якобсону датировано декабрем 1920 г. Через восемь лет на Первом конгрессе лингвистов А. Мейе назовет Трубецкого величайшим умом современной лингвистики, в Софии же он был всего-навсего приват-доцент без степени, с правом читать курс сравнительного языковедения, имеющий лишь восемь печатных трудов, причем ни одного по лингвистике. Одним словом, у него есть все основания сказать: „Устроился я здесь, нельзя сказать, чтобы блестяще“ (I, 12/XII 1920)³. Одно время он подумывал о переезде в Прагу, но затем принял иное решение: „По-моему, мне теперь надо главным образом составить себе хотя бы некоторое имя в науке, побольше писать и печатать. До сих пор я работал слишком „по-барски“, писал больше для себя, в лучшем случае для прочтения в научном обществе и не давал себе труда отделять для печати. Теперь надо это изменить и писать только для напечатания. Когда у меня накопится известное количество печатных работ и составится известная репутация, тогда можно будет подумать о перемене университета... А пока надо сидеть там, куда занесла судьба, и работать“ (II, 1/II 1921).

Работал Трубецкой очень много, „запойно“: весь был поглощен научными занятиями. На меня находят такие полосы. Хожу как одержимый. Новые мысли душат, распирают, еле успеваешь записывать. Всего обиднее то, что это „накатывает“ обыкновенно в такой обстановке, когда нет под руками нужной библиотеки, и, поэтому, большинство мыслей нельзя как следует разработать“ (VIII, 1/IX 1922).

¹ Облегчают чтение и комментарии, позволяющие представить себе вторую часть переписки – письма Якобсона, конфискованные во время одного из обысков, проведенных гестапо в венской квартире Трубецкого.

² Указатель языков, упоминаемых в „Письмах“, насчитывает 174 названия.

³ Здесь и далее ссылки на соответствующие номера писем в кн.: [Jakobson, 1975].

В Софии Трубецкой написал 10 работ по лингвистике и истории культуры.

С 1922 г. Трубецкой работает в Венском университете. Его переезду в Вену предшествовали некоторые обстоятельства, которые чуть было не нарушили все его планы.

„В Вене мне предложили кафедру славянской филологии, в случае если у австрийского министерства ничего не выйдет из переговоров с Траутманом, которого уже пригласили, но который тянет переговоры и слишком много запрашивает. При этом проф. Uebersberger уверял меня, что Траутман на самом деле метит в Берлин на место уходящего в отставку по старости лет Брюкнера, и что по убеждению Uebersberger'a Траутману переговоры с Веной нужны только для того, чтобы повысить себе цену в Берлине. Я имел глупость поверить и дал свое принципиальное согласие. На самом деле, оказалось, что меня надули, и что переговоры со мной венцам нужны были только для того, чтобы подействовать на Траутмана. Теперь меня официально уведомили, что Траутман согласился, и что Вена пролетела мимо моего носа“ (VII, 12/VIII 1922).

К счастью, все обошлось благополучно, и в конце концов Трубецкой занял кафедру покойного Ягича. Кстати, как и в случае с Софией, он объясняет свою удачу не научными заслугами, а везением. С февраля 1923 г. Трубецкой уже читал лекции в Венском университете. В первый свой семестр он читал два курса – историческую грамматику русского языка и старославянский. Всего же за годы преподавания там он подготовил и прочел около 100 курсов по славянским языкам и литературам. Кроме того, с 1924 г. им было написано и опубликовано (частью посмертно) 111 книг, статей, рецензий.

Многие работы Трубецкого остались незаконченными или не были опубликованы, но стали известны после публикации писем. Одной из таких работ является грандиозный по замыслу труд „Языки СССР“, задуманный им совместно с Р. О. Якобсоном. Будучи кавказоведом, финно-угроведом и славистом, Трубецкой хорошо знал многие языки народов СССР, и идея книги сразу захватила его. При этом Трубецкой хорошо понимал все трудности, возникавшие в связи с таким изданием: „Сделать простой обзор „хос-как“, конечно, легко; но стоит ли? А если сделать что-нибудь действительно ценное, то на это нужна масса времени. Надо списаться и сговориться и об общем плане изложения и об основных принципах описания и т.д. Материал может быть интересен только при полной однородности. Оно важно не только по существу, но и демонстративно. „Les langues du monde“ (издание А. Мейе и М. Козна. – Ю. К.) демонстрирует анархию французской лингвистики; если бы немцы сделали такой сборник, демонстрация анархии получилась бы еще более яркая. Нам, наоборот, надо демонстрировать максимальную организованность“ (XLIV, 16/IV 1929). Этот труд готовился очень тщательно –

обсуждался материал, состав участников сборника (в частности, лингвистов из СССР), и вопрос „в каком состоянии „Языки СССР“? в той или иной форме звучит в каждом письме вплоть до сентября 1929 г., когда стало ясно, что в связи с международной экономической депрессией издание не выйдет. О размахе планируемого издания можно судить по сохранившемуся „Вопроснику“, предназначенному для участников сборника, и примерному перечню языков [Jakobson, 1975, p. 138–141], а также по многочисленным замечаниям относительно принципов издания сборника, содержащимся в письмах.

Здесь впервые проявился организаторский талант Трубецкого, который буквально расцвел после создания Пражского лингвистического кружка. Насколько близко принял Трубецкой идею создания такой ассоциации, можно судить по письмам этого периода, в особенности по письмам, посвященным организации I Международного конгресса лингвистов в Гааге (1928) и I Международного съезда славистов в Праге (1929), когда Трубецкой занимался подбором участников, выработкой платформы – всем вплоть до финансовых вопросов. Трубецкой уделяет большое внимание тому, чтобы привлечь к работе ПЛК всех, кто хоть сколько-нибудь интересуется фонологией, и именно в этих письмах особенно ясно видно отношение Трубецкого к своей собственной работе, а также отношение к его сторонникам и противникам и к научным взглядам тех и других. При довольно ироническом отношении к положению, которое он занимал, Трубецкой, убежденный в правоте выдвигаемых им научных положений, очень серьезно относился к тому, что было им написано. По поводу своей первой лингвистической статьи „De la valeur primitive des intonation du slave commun“ (Revue des Etudes Slaves, 1921) Трубецкой писал Якобсону: „Эту статью очень бы хотелось послать в Москву; я ею очень горд: красивое получилось построение“. К концу 20-х гг. Трубецкой был уже одним из создателей учения, которым он не только гордился, но распространению которого всячески способствовал. И всякий, кто причислял себя к фонологам или проявлял в своих работах какой-то намек на „фонологичность“ мышления, становился союзником Трубецкого.

Существует странное, на первый взгляд, несоответствие между научными трудами Трубецкого и его письмами. Первые почти не содержат полемики и оценок, которые можно было бы назвать отрицательными и, тем более, субъективными, во вторых слово „посредственность“ в применении к человеку, не понимающему фонологии, – далеко не самый сильный эпитет. Более того, в „Основах фонологии“ Трубецкой упоминает Соссюра в числе своих предшественников, а в письме 1932 г. пишет: „Для вдохновения перечитал де Соссюра, причем, надо сказать, что при втором чтении он произвел на меня гораздо меньше впечатления. В общем, ценного там сравнительно немного, главную массу составляет старый хлам. И ценное страшно отвлеченно,

мало конкретно. Становится понятным направление деятельности его учеников. В общем разглагольствуют о системе, а между тем никто не сумел описать живого языка, хотя бы французского“ (ХСVIII, 17/V 1932). В „Основах фонологии“ он называет Якобсона, Карцевского и себя учеными, из которых по чистой случайности ни один не принадлежал к школе Бодуэна де Куртене“, среди учеников которого особо отмечал Л. В. Щербу [Трубецкой, 1960, с. 11], а ранее писал В. Дорошевскому: „Бодуэна де Куртене я знаю очень плохо“, из работ Щербы по фонологии читал только две его диссертации; учеником Бодуэна и Щербы я никогда не был и основное ядро своей системы создавал сам, не справляясь с мнениями Бодуэна и Щербы... Говоря о них, пришлось бы излагать историю их взглядов, что отвлекло бы меня в сторону, — да я, признаться, не люблю „историю науки“ (ХСIII, 27/X 1931).

Что это, высокомерие? Нежелание признать заслуги предшественников и современников? В приведенной цитате можно найти и ответ на вопрос, который она порождает. Ядро теории Трубецкого действительно было создано самим Трубецким. В своих трудах он излагает свою теорию, свои собственные взгляды, не вдаваясь особенно в полемику с противниками. И здесь его ссылка на предшественников — это не более, чем такт ученого, необходимая дань истории науки. Иное дело — письма. В них Трубецкой может высказывать свои суждения, не опасаясь, что эти высказывания будут расценены как приписывание себе чужих заслуг. Безжалостнее всего судит Трубецкой своих единомышленников, тех самых, на чьи работы он потом будет ссылаться и сделает это так, что у читающего и мысли не возникнет, что в то же самое время Трубецкой говорил о них как о нерадивых школьниках, вовсе не считая их „столпами фонологии“. И в этой связи особенно замечательным представляется умение Трубецкого увидеть фонолога в скромном гимназическом учителе Винтелере, который жил задолго до появления фонологии, мысли которого „были преждевременны и остались непонятыми“, или умение оценить по достоинству теорию, далекую от его собственной.

Гораздо более, чем опубликованные работы, письма Н. С. Трубецкого позволяют проследить эволюцию его научных взглядов. Прежде всего письма снимают с Трубецкого модное когда-то обвинение в отрыве синхронии от диахронии. Сейчас Трубецкой действительно известен, главным образом, как синхронист, и на его работы, посвященные исторической фонологии славянских языков, ссылаются редко. Между тем, как это видно из писем,

⁴ В 1929 г. Трубецкой писал: „Читая Бодуэна, воспринимаю особенно отчетливо то, чем он отличается от „нас“. Пройденный путь оказывается гораздо значительнее, чем это можно было думать“ (I, 18/VII 1929).

историко-фонологические исследования занимали значительное место в работе Трубецкого.

Подтверждение этому мы находим еще в „Автобиографических заметках“, написанных в 1930 г. Из них мы узнаем о первой лингвистической работе Н. С. Трубецкого „Опыт праистории славянских языков“, которая выросла из реферата книги А. А. Шахматова „Очерк древнейшего периода русского языка“, прочитанного Трубецким на заседании Дialeктологической комиссии Московского университета в 1915 г. „Я полагаю, — пишет Н. С. Трубецкой, — что мой доклад имел решающее значение для развития лингвистической науки в Москве. В нем впервые проявилось неприятие фортунатовского метода реконструкции. Многие заключили из этого, что лингвистическая реконструкция, — вообще, безнадежное предприятие... Для меня, однако, дискуссия, развернувшаяся по поводу моей работы, имела совершенно иной смысл. Решив, что метод Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Шахматова и их учеников непригоден, я просто пришел к выводу, что нужно искать более подходящий метод в исторической лингвистике и лингвистической реконструкции“ [Гroubetzkoу, 1949, р. XIX].

К 1919 г. книга Трубецкого была закончена; вплоть до Великой Отечественной войны она находилась в библиотеке Ростовского университета⁶.

Уже в самом первом письме (12/XII 1920) Н. С. Трубецкой пишет: „Теперь я занят восстановлением моей работы“. Во втором письме (1/II 1921) он формулирует свое понятие общеславянского праязыка: „Я исхожу из того положения, что общеславянский праязык не есть момент, а эпоха, точнее целый ряд эпох. Началом можно считать первые диалектические особенности, появившиеся в „праславянских диалектах“ (т.е. в тех диалектах индоевропейского праязыка, из которых потом развился общеславянский праязык) к концу индоевропейской праязыковой эпохи. Концом — последние фонетические явления, которые распространились на все славянские языки. Таким явлением надо признать „падение глухих“ (ъ и ь), которое во всех славянских языках происходило в общем одинаково. Значит, „эпоха“ общеславянского праязыка обнимает собою несколько (по меньшей мере 2^{1/2}) тысячелетий. При таких условиях устанавливать общеславянские явления, не указывая на то, к какому именно периоду данное явление относится, не группируя эти явления в известном (относительно) хронологическом порядке — совершенно нелепо, так же нелепо, как если бы историк стал отмечать на одной и той же карте границы завоеваний Наполеона и Александра Македонского. Поэтому, я стараюсь устанавливать взаимную относительную хронологию отдельных общеславянских явлений“.

⁶ Во время войны книга погибла при бомбежке.

Письма позволяют проследить весь ход работы над „Опытом“. В 1924 г., рассматривая эволюцию системы чешского вокализма ($\check{e} > e$, $\check{y} > \bar{a}$, $\check{e} > i$, $\check{y} > \bar{a}$), Трубецкой писал: „... если бы у постепенно расширялось, а е постепенно суживалось, то непременно должен был бы наступить момент, когда они совпали бы друг с другом.“ Он предлагает иной путь развития этих гласных: „... рассматривая только современные отражения \bar{e} , \bar{o} в чешских и словацких говорах и в литературном языке, нельзя не прийти к выводу, что эти гласные некогда прошли через стадию дифтонгизации“. Это заключение, к которому приходит фонолог, основывающийся на системных отношениях гласных, на что он и указывал далее: памятники не сохранили никаких следов изменения $e > ie$ и, следовательно, как будто противоречат этому представлению. Не знаю, может быть, у меня дурная привычка „компаративиста“, недостаточно вышколенного на узко филологическом исследовании памятников, но я всегда в таких случаях склонен больше доверять логике лингвистических фактов, чем показаниям старинных рукописей. Руководствуясь афоризмом Козьмы Прутькова: „когда на клетке слона увидишь надпись „Буйвол“, — не верь глазам своим“ (XX, 11/X 1924).

Системные отношения лежат в основе решения каждой проблемы, которые во множестве встречаются в письмах. Их постановка и решение поражают, насколько Трубецкой опережал свое время; ср.: „трудно поверить, чтобы ie (чешское. — Ю. К.) с самого начала было коррелятом o . Тогда придется

а

предположить два треугольника, один — после твердых o э, другой — после

\bar{a}	и	у
-----------	---	---

мягких согласных ie е, и в этом втором треугольнике ie окажется музы-

\check{u} i

кально ниже, чем е, по силе же равно е. Это явно нелепо. Выход только один: признать, что в древнейший период чешского языка \check{e} (ie) было неприканным беспарным дифтонгом. Это обстоятельство и вызвало отверждение согласных перед е, после чего \check{e} оказалось в паре с \bar{e} (нашло приставише)“ (LV, 2/XI 1929). Такой способ решения фонологических проблем, объясняющий изменение, исходя из асимметрии системы, был позднее применен А. Мартине для объяснения Великого сдвига гласных в английском языке. Однако у Трубецкого это было написано почти за 30 лет до появления книги Мартине.

„Опыт праистории“ так и не был полностью напечатан, хотя работа над ним велась до 1926 г. Р. Якобсон считает, что „Н. Трубецкой постепенно пришел к мнению, что его столь долго вынашиваемый план Праистории отстал от новых принципов общей и исторической фонологии“ [Jakobson, 1975, p. 100]. Это, естественно, не означает, что Трубецкой утратил интерес к истории славянских языков (его чисто славистические работы публиковались

до 1934 г.⁶). Славянский материал обсуждается в связи с работой Р. О. Якобсона „Заметки по фонологической эволюции русского языка в сравнении с другими славянскими“, которая писалась одновременно с „Опытом“. Многочисленные ссылки на статьи и письма Трубецкого в книге Якобсона, письма, где обсуждаются отдельные моменты эволюции славянских языков, наконец, фразы типа „... вижу, что мы с Вами, не сговорившись, размышляли над одним и тем же вопросом“ (XLVI, 1/V 1929) — все это говорит о том, что работа была не просто параллельной, но совместной. В то же время задачи, которые ставили перед собой Трубецкой и Якобсон, были различными. Оба ученых видели свою задачу в том, чтобы „уничтожить пропасть между синхронным анализом фонологических систем и историей звуков“ [Troubetzkoj, 1949, р. XXIV]; книга Якобсона начиналась „с фонологической системы, определяемой как набор фонологических оппозиций“ [Jakobson, 1962, р. 634].

Трубецкой в своей книге хотел „показать развитие различных славянских языков, разрабатывая (разрядка моя. — Ю. К.) метод реконструкции [Troubetzkoj, 1949, р. XIX]. Соответственно, и работа, хотя и основанная на нетрадиционной методике, строилась по традиционной схеме, что было вполне оправдано в 1915 и даже в 1920 г. Однако с самого начала именно методика в первую очередь интересовала Н. С. Трубецкого. К 1926 г. эта методика уже была разработана. Для того чтобы продемонстрировать ее, Трубецкому пришлось бы полностью переработать „Опыт праистории“, от которого он к тому времени ушел достаточно далеко. Главное же то, что методика реконструкции, разработанная Н. С. Трубецким совместно с Р. О. Якобсоном, была последовательно применена при описании фонологической эволюции русского языка, видимо, позволило Трубецкому считать, что задача, которую он ставил перед собой в 1915 г., выполнена. „Книга Ваша замечательная. По существу я возражений не имею — она представляет крупное событие в современной лингвистике“, — написал Трубецкой по выходе „Заметок“ (LIV, 2/XI 1929).

Работы и письма Н. С. Трубецкого, написанные после 1926 г., посвящены в основном принципам построения фонологических систем. Его открытие симметрии вокалических систем относится к 1928 г.: „между делом составил фонологические системы вокализма всех языков, которые помню наизусть (всего 34), и попробовал их друг с другом сравнить. Здесь в Вене продолжил эту работу, так что сейчас имею уже 46 номеров. Буду исподволь работать и дальше, пока не наберу 100 языков. Результаты получаются чрезвычайно любопытные. Например, до сих пор я еще не встретил ни одного языка с несимметричной системой гласных“ (XLI, 19/IX 1928).

⁶ Последняя работа [Troubetzkoj, 1954] была опубликована посмертно.

Спустя полгода Трубецкой подготовил доклад о системах вокализма, который был напечатан в 1-м томе „Трудов ПЛК“ [Trubetzkoy, 1929]. Проблемы, обсуждаемые во всех последующих письмах, рассматриваются с точки зрения симметричности фонологических систем, ср.: в „говоре первоучителей“ фонемы Θ не было. Но в таком случае для этого говора получается уродливая, несимметричная система:

а	ё
о	е
ь	ь
и	у ï

Это невозможно. А выход только один: надо принять, что и фонемы „у“ (ы) в этом говоре тоже не было“ (XVI, 1/V 1929).

Во всем, что написано Трубецким в то время, уже видна работа над „Основами фонологии“⁷. Таким образом, период после 1926 г. можно считать переломным в работе Н. С. Трубецкого.

В послесловии к русскому переводу „Основ фонологии“ А. А. Реформатский, ссылаясь на Р. О. Якобсона и Л. Ельмслева, называет 1926 г. началом фонологической деятельности Н. С. Трубецкого. Даже если исходить из его опубликованных работ и общеизвестных фактов биографии, с этим вряд ли можно согласиться. В 1926 г. образовался ПЛК. В том же году началась подготовка к I Международному конгрессу лингвистов в Гааге (1928 г.), на котором Н. С. Трубецкой, Р. О. Якобсон и С. И. Карцевский выступили со своей программой „исследования структурных законов фонологических систем“ [Трубецкой, 1960, с. 11]. Иными словами, фонология уже была самостоятельной наукой, и Н. С. Трубецкой был одним из ее создателей. Его письма позволяют проследить все этапы становления этой науки. После 1928 г. обсуждаются вопросы не столько создания, сколько распространения фонологической теории в далеко не дружелюбной среде лингвистов⁸. до какой степени мы изолированы, до какой степени говорим на разных языках со всеми славистами“, — писал Трубецкой в 1930 г. (LVII, 25/II 1930).

С Якобсоном Трубецкой говорил на одном языке с самого начала их переписки (а возможно, и ранее⁹). С самого начала это был язык фонологии,

⁷ Ср., напр., раздел „Полабская фонологическая система“ [Trubetzkoy, 1929 (a), S. 111–137], особенно с. 116–119, где приводятся „Правила“, впоследствии переработанные для „Основ фонологии“.

⁸ Ср.: „... ввиду новизны самой проблемы желательна аргументацию составить как можно яснее и „разжевнее“ <...> Вспомните, что лингвисты в среднем народ тупой, рутяеры ... (XXXV, 22/X 1927).

⁹ Их знакомство состоялось в 1914 г. [Jakobson, 1975, p. VIII].

который менялся лишь за счет увеличения терминологического словаря и уточнения понятий. Слова „фонема“, „фонологический“ и т. п., начиная с самых первых писем, употребляются как рабочие термины, явно не требующие пояснения, ср.: „Вы считаете количественную и интонационную систему моего второго этапа (эволюции общеславянского ударения. — Ю. К.) чересчур громоздкой. С этим я никак не могу согласиться. В самом деле, экспираторное усиление первого слога было фактом нефонологическим (здесь и далее разрядка моя. — Ю. К.) фонологическими фактами остаются: долготы, полудолготы и краткости... Система эта напоминает восточнолитовскую“ (XI, 25/I 1923). Восемь лет спустя при описании соотношения затворных и щелинных в русском языке у него также без пояснения употребляются термины „корреляция“, „дизъюнкция“, „архифонема“¹⁰ (XXVII, 21/II 1931). Интересно, что в том же 1931 г. в письме В. Доршевскому [Jakobson, 1931, p. 227–229] Н. С. Трубецкой подробно излагает свое понимание терминов „звук“, „фонема“ и прочих азбучных истин фонологии. Примерно в том же тоне он пишет об этом и в 1923 г. в рецензии на книгу Jakobsona „О чешском стихе“ [Трубецкой, 1923].

Говоря о книгах Н. С. Трубецкого „Полабские этюды“ и „Церковнославянский язык“, Р. О. Jakobson писал: „Хотя фонология обоих мертвых языков описывается исключительно в синхронии, однако проекция синхронного среза в прошлое — это и есть для Трубецкого первая стадия диахронического исследования“ [Sebeok, 1966, p. 541]. Эти книги опубликованы соответственно в 1929 и 1934 гг. Однако метод диахронического описания, разработанный к этому времени, применялся Трубецким гораздо раньше.

Таким образом, вопроса о том, когда Трубецкой пришел к фонологии, просто не может быть, ибо Трубецкой был фонологом всегда. Обратившись в начале своей научной деятельности к проблемам истории языка (что соответствовало направлению лингвистической мысли того времени), он сразу же понял, что описание языковой эволюции должно строиться на системном подходе, который может быть разработан лишь на синхронном материале. Этот подход он последовательно применял во всех своих работах — как лингвистических, так и литературоведческих.

¹⁰ В этом отношении еще более показателен вопрос Р. О. Jakobsona, на который Н. С. Трубецкой отвечает в письме LXXVII: „Мне не совсем ясно, в каких условиях Вы считаете отношения между затворными и щелинными корреляцией, в каких дизъюнкцией. Например, как обосновать, что в русском это дизъюнкция. Если предположить, что будучи дизъюнктивными, эти различия осознаются как локализованные, то теряет смысл доказательство отсутствия мягкой корреляции примерно в словацком. Этот вопрос меня задерживает“ (31/I 1931) [Jakobson, 1975, p. 194].

В 1926 г. Трубецкой написал: „В истории языка многое кажется случайным, но успокаиваться на этом историк не имеет права; общие линии истории языка при сколь-нибудь внимательном и логическом размышлении всегда оказываются не случайными, а значит, неслучайны должны быть и отдельные мелочи; все дело только в том, чтобы уловить смысл. Осмысленность эволюции языка прямо вытекает из того, что язык есть система“ (XXX, 22/ХІІ 1926). В этом высказывании уже содержатся основы диахронической фонологии.

Сама жизнь была для Трубецкого эволюцией, подчиненной единому принципу. Этот принцип он видел для себя в научном творчестве, которое по-разному проявляется в различные периоды жизни. За четыре года до смерти он написал Якобсону: „В Вашу научную бесплодность я не верю. Полагаю, что у Вас происходит то же самое, что у меня: переход от чересчур затянувшейся умственной молодости к умственной зрелости. Зрелость не есть еще старость и не знаменует собой бесплодия. Зрелые люди не только не перестают творить, но, наоборот, создают самое ценное из всего того, что оставят потомству. Только творят они иначе, чем молодые. К этому новому методу творчества сначала трудно привыкнуть. Сначала кажется, что вообще ничего больше нет, все кончилось. Перерыв, хотя бы и короткий, пугает, вызывает опасение. Это – от непривычки. На самом деле беспокоиться нечего: будете творить, только иначе, чем прежде. Подсознательно Вас беспокоит именно то, что будет не то, что прежде. Но, уверяю Вас, это – не страшно. Что проигрывается на блеске и эффективности, выигрывается на солидности конструкций. вспомните, как мы с Вами творили до сих пор. Печатный станок за нами не поспевал: каждая наша работа выходила из печати уже устаревшей (по крайней мере, для нас самих). Одна конструкция сменялась другою. Это – типичное молодое творчество. Теперь, вероятно, этого уже не будет. Зато будет прочно, не придется так часто перестраивать. Вместо эффективного творческого фонтана, плавно текущий, но все же мощный и широкий поток. Сначала обидно. Кажется, что же это? Неужели молодость прошла, и началась старость? Но в том-то и дело, что кроме молодости и старости, есть еще зрелость, кроме фонтана и стоячей воды есть еще ровно и плавно текущий поток. В эту мысль надо вжиться и тогда все будет хорошо... Попытки увековечить молодость бессмысленны. Переход от молодости к зрелости есть закон природы, как смена дня и ночи или лета и зимы. Каждая стадия человеческой жизни имеет свои плюсы и минусы. Зрелость не хуже молодости. А главное дело – быть самим собой“ (XXXVII, 25/І 1935).

Трубецкой не успел состариться. Не приобрел он и некоторых черт, свойственных зрелости. Фонтан бил или, по крайней мере, прорывался до самых последних дней его жизни.

Незадолго до смерти, уже из больницы Трубецкой посылает последнее письмо Jakobsonу. Писать он не может, письмо продиктовано, и вместо обычной подписи кн. Н. С. Трубецкой — искренне преданный Вам Николай Сергеевич.

И в этом письме он делится впечатлениями о новом материале, полученном от ученицы, обсуждает планы на будущее, дает указания относительно поведения пращев на гентском конгрессе, куда сам он уже не поедет.

„Статью для сборника Bally выдал и уже отправил. Не знаю, как сдюжю со статьей для Tavaux. Научных мыслей нет, писать не хочется, невращения неопишемая... Ну ничего, как-нибудь!“

Трубецкой умер 25 июня 1938 г. Вскоре после его смерти были изданы „Основы фонологии“, которые потом неоднократно переиздавались. Каждое издание этой книги было событием в истории мировой лингвистики. Столь же значительным событием явилась и публикация писем Н. С. Трубецкого, которая дала возможность каждому, кто их прочитал, соприкоснуться с богатейшим миром идей и лишний раз ощутить все величие и обаяние этого замечательного ученого и человека.

N. S. TRUBETZKOY: BIOGRAPHY AND SCIENTIFIC VIEWS

JU. A. KLEINER

Summary

The paper is a review of "N.S. Trubetzkoy's Letters and Notes" by R. Jakobson — a book comprising 196 letters, sent mainly to R. Jakobson and others during the period of 1920–1938, and also several articles.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Трубецкой, 1960 — Трубецкой Н. С. Основы фонологии. — М., 1960.

Трубецкой, 1923 — Трубецкой Н. С. (рец.) Роман Jakobson: О чешском стихе, преимущественно в сопоставлении с русским. — Москва—Берлин, 1923. — *Slavia*, 1923/24, № 2, p. 452–460.

Jakobson, 1939 — Jakobson R. Nikolaj Sergejevič Trubetzkoy (1890–1938). — *Acta Linguistica*, 1939, N 1, p. 64–76.

Jakobson, 1962 — Jakobson R. Selected Writings. — 's-Gravenhage, 1962.

Jakobson, 1975 — Jakobson R. (ed.) N. S. Trubetzkoy's Letters and Notes. Prepared for publication by Roman Jakobson with the assistance of H. Baran, O. Ronen, and Martha Taylor. — The Hague—Paris: Mouton, 1975.

Sebeok, 1966 – Sebeok T. A. (ed.) Portraits of Linguists. Source Book for the History of Western Linguistics. Vol. II: From Eduard Sievers to Benjamin Lee Worf. – Bloomington: Indiana University Press, 1966.

Trubetzkoy, 1929 – Trubetzkoy N.S. Zur allgemeinen Theorie der phonologischen Vokalsysteme. – TCLP, 1929, Bd 1, S. 39–67.

Trubetzkoy, 1929 (a) – Trubetzkoy N.S. Polabische Studien. – Wien und Leipzig, 1929.

Trubetzkoy, 1949 – Trubetzkoy N.S. Notes autobiographiques de N. S. Trubetzkoy communiquées par R. Jakobson. – In: N. S. Trubetzkoy. Principes de phonologie. Paris, 1949, p. 15–29.

Trubetzkoy, 1954 – Trubetzkoy N.S. Altkirchenslavische Grammatik. – Wien, 1954.

Leningrado žemės ūkio institutas

Kalbų katedra

Įteikta

1981 m. gruodžio mėn.